

✓ Отелло — Мегвинетухуцеси

ДВАДЦАТЬ первого и двадцать второго июня Грузинский государственный академический театр им. Котэ Марджанишвили показал москвичам свою новую работу «Отелло», где в главной роли выступил народный артист СССР Отар Мегвинетухуцеси. Главный режиссер театра и постановщик «Отелло» Темур Чхеидзе убирает первый акт, потому что ему неинтересна длинная экспозиция о любви Отелло к Дездемоне. В центре его внимания — психологический процесс подчинения Отелло злой интриге Яго. И здесь начинают противоборствовать любовь к своему герою, которую последовательно показывает О. Мегвинетухуцеси, с той горечью сатиры на Отелло, которая присуща режиссеру.

Зло, воплощенное в лице Яго (Н. Мгалоблишвили), реально. В развернутых монологах и немых сценах Яго мы узнаем о причинах, вызвавших его мечь: это и невнимание Отелло к его заслугам, и безответная страсть к Дездемоне... Но, отдаваясь стихии обуревающей его мести, активно утверждая ее, он становится физическим воплощением идеи зла. И чувство торжества, переполняющее Яго, выражается в резком, отрывистом, угрожающем пластическом танце, который становится символическим лейтмотивом действия.

Для Отара Мегвинетухуцеси главной в спектакле стала тема любви.

— У меня никогда прежде не было возможности рассказать об этом самом светлом, самом большом человеческом чувстве, — говорит он. Тема поэта и гражданина всегда превалировала в образах актера. Любовь была вдохновляющей силой, но отходила на второй план. Мегвинетухуцеси никогда не ставил своего героя перед выбором: любовь или идея, общественный долг — скажем, в роли Даты Туташиа в телевизионном фильме «Берега», так полюбившемся зрителям. В спектакле «Отелло» для актера любовь становится идеей. После жестоких битв, после тяжелых жизненных испытаний словно в награду судьба дарит ему веру в душевное тепло, в прекрасную

гармонию взаимной нежности.

Отелло в первых сценах на набережной Кипра переполнен счастьем встречи с Дездемоной. Он бережно поднимает ее на руки и кружит по сцене.

Над первыми намеками Яго он смеется. Когда же Дездемона ласкается, как дитя, играя свернутой картой, делает из нее подозрительную трубу и глядит на Отелло, он весело подчиняется ее игре и, наклонив голову, тоже смотрит в эту же трубу на нее. А затем, желая, чтобы все любовались вместе с ним этим чудом, поворачивается к Яго и, не переставая восхищенно удивляться, кивает на Дездемону: что может быть прекраснее и чище этого создания?

Самые удивительные и самые противоречивые — сцены с Яго. Яд недоверия постепенно заполняет душу Отелло. Счастье было так ослепительно! Теперь он перестал в него верить. Не ревность, но коварное издевательство Дездемоны над ним, над святостью супружества, видящееся ему чудовищное несоответствие внешней чистоты и внутреннего цинизма толкают Отелло на дикий поступок.

ВЕЛИКИЕ предшественники Мегвинетухуцеси А. Хорава и Л. Оливье в финале потрясали зал своим отчаянием. М. Туманишвили, описывая финальную сцену Хоравы — Отелло в своей книге «Искусство актера», говорил о «правдивейшем вопле необыкновенной человеческой трагедии». «Казалось, что от этого безумного вопля обрушится плафон зрительного зала, взорвется весь театр».

Отелло — Мегвинетухуцеси не сразу воспринимает происходящее. Но потом тихое просветление нисходит на него. Он вновь обрел веру в то, что было для него свято. И полон спокойной решимости, он отстраняет Лодовико и Монтано, которые идут, чтобы связать его.

Произнося свой финальный монолог, Отелло сам карает себя. Он должен наказать себя за то, что стал орудием зла.

...В последних видениях, когда жизнь медленно оставляет его, ему является Дездемона. Она несет его душе покой прощения.

И. МЯСКОВСКАЯ.